
ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ (К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ): РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

SOCIOLOGY OF REVOLUTION (TOWARD 100th ANNIVERSARY OF OCTOBER REVOLUTION): REPUBLICAN ROUND TABLE

По инициативе кафедры социологии факультета философии и социальных наук (ФФСН) Белорусского государственного университета и Белорусского общественного объединения «Социологическое общество» 26 октября 2017 г. состоялся республиканский круглый стол «Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции)», который собрал социологов, историков, философов, политологов, экономистов, представляющих как БГУ, так и другие университеты Беларуси. На заседании был обсужден широкий круг вопросов. В частности, рассмотрены социальные и политические причины революции 1917 г., уроки и оценки тех событий, возможность параллелей между прошлым и настоящим, социология революций: анализ и перспективы развития. Вели заседание декан ФФСН кандидат исторических наук, доцент В. Ф. Гизин и заведующий кафедрой социологии ФФСН, главный редактор «Журнала БГУ. Социология» профессор А. Н. Данилов. Перед заседанием круглого стола участники имели возможность ознакомиться с выставкой книг и архивных раритетов, хранящихся в фондах университетской библиотеки.

А. Н. Данилов¹. 100-летие Октябрьской революции заставляет всех нас мысленно вернуться в прошлое, чтобы более взвешенно и объективно оценить настоящее и попытаться спрогнозировать будущее, поразмышлять о возможностях социологической, гуманитарной науки в целом, вспомнить ее ярких представителей, которые создавали и всячески развивали социологию революции. Время, увы, не приближает нас к истине, и чем дальше, тем труднее выработать самостоятельную научно взвешенную оценку революции. Как-то всегда получалось, что историю писали победители. Видимо, и революция не стала еще историей... Споры продолжаются, каждое новое поколение начинает с чистого листа и открывает для себя историю революции заново. Многие острые вопросы со време-

нем сглаживаются, события 100-летней давности кристаллизуются в новые ценности и идеалы, герои и жертвы меняются местами. Но здесь, на мой взгляд, неправильной будет и навязываемая сегодня некоторыми политиками и историками точка зрения, согласно которой все правы и не правы одновременно, а главное: «Давайте жить дружно». Все равно всех примирить не удастся... Лично мне близка такая точка зрения: революция 1917 г. оказала огромное позитивное влияние на последующее развитие страны, мира, характер эпохи.

Мотивом революции 1917 г. было искреннее желание сделать всех людей счастливыми. Она стала серьезным толчком к развитию, изменению всей картины мира, создала новую геополитическую реальность, которой как-то удавалось уравнове-

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

шивать вечное противостояние Добра и Зла. Она открыла новые горизонты для индустриальной, высокоинтеллектуальной страны и показала всему миру пример власти для простого народа, создав условия для реализации потенциала каждого ее гражданина, развития его способностей и талантов вне зависимости от положения в обществе, материальных возможностей, территории проживания, национальных и религиозных различий.

Мир же, который в большей части не принял революцию, был вынужден, особенно после Победы во Второй мировой войне, научного прорыва, считаться с мнением и позицией СССР. Результаты титанического труда советских людей и выдающиеся достижения советских ученых, деятелей культуры и искусства, безусловно, изменили эпоху, продемонстрировав миру высочайший образец стойкости духа и мужества, талант и благородство советской державы. Очень жаль, что в постсоветское время напоказ больше выставляются недостатки той эпохи, от реального исторического анализа скрыты социодинамика образа жизни советских людей, их патриотизм, сплоченность и преемственность поколений.

В. Ф. Гигин¹. В связи со 100-летием Февральской и Октябрьской революций проходит большое число мероприятий. В ходе нашего круглого стола хотелось бы обсудить общие подходы к феномену революции. Здесь собрались представители разных гуманитарных дисциплин: историки, социологи, политологи, философы, экономисты. Это очень важно. В программе мероприятия сформулированы вопросы к обсуждению, но я бы хотел обозначить наиболее актуальные проблемы, связанные прежде всего с научным осмыслением событий революции. Удивительно, но принципиально новых подходов нет, какого-то переворотного взгляда на революцию не появилось, если не считать некоторых корректировок терминов и названий. Мне кажется, что уже ушел в прошлое спор о том, была в октябре 1917 г. революция или переворот, поскольку в научной среде сформировалось устойчивое представление, согласно которому переворот – это событие, а революция – процесс. И та совокупность системных преобразований и трансформаций, которая случилась после 1917 г., безусловно, была революцией, повлиявшей на весь мир. Однако сейчас в российской историографии активно внедряется новый термин – «Великая российская революция 1917–1920-х гг.», есть и еще более радикальная трактовка – «Русская революция 1905–1922 гг.» (объединение трех революций в одну). Насколько это правомерно, мы можем обсуждать. По моему

мнению, связывать окончание революции с завершением Гражданской войны в октябре 1922 г. и образованием СССР в декабре того же года довольно спорно и не вполне обоснованно.

Одновременно в новых независимых государствах на постсоветском пространстве появились свои подходы. Самый известный из них – украинский. Местные политики, публицисты и некоторые ученые заявляют, что была особая украинская революция, приведшая к образованию Украинской Народной Республики, а затем УССР.

Также к исследованию революций предпринимаются попытки применения новых методик с использованием подходов синергетики, психоанализа, неомарксизма. Результаты пока не вполне очевидны и противоречивы. Но то, что мы должны искать новые методики в изучении революционного процесса, безусловно.

Одну из наиболее удачных попыток анализа революции предпринял П. Сорокин, который заложил теоретическую основу социологического изучения революций, обозначив ряд факторов, по которым следует рассматривать революционные события. До сих пор в гуманитарном дискурсе работ такого уровня нет. В этом плане интересна (хотя и рассматривается порой в сенсационном плане) книга А. Гужаловского «Сэксуальная рэвалюцыя ў БССР (1919–1929 гг.)». Напомню, что П. Сорокин рассматривал половой аспект как один из факторов влияния на общественные отношения. И сейчас нам нужны работы, которые бы рассматривали феномен революции во всей совокупности факторов, вызвавших ее и проявившихся в ходе революционных преобразований. Трудно сказать, можно ли сегодня провести такую работу. В советское время, допустим, академики И. И. Минц или И. М. Игнатьенко пытались при поддержке коллектива авторов создать монументальные обобщающие труды о революционном периоде. К сложностям такой работы я бы еще отнес изучение колоссального объема документов. Причем издание подобных трудов не решает проблему, а только усугубляет ее, увеличивая объем информации и усиливая ее разнородность.

Необходимо учитывать и эволюцию самой историографии революционных событий. Советская историография, например, прошла три этапа эволюции: 1) пролетарский революционаризм (вульгарно-марксистские трактовки событий 1917 г., например школа профессора М. Покровского; в этом же контексте можно рассматривать и воспоминания революционных деятелей, публиковавшиеся в ту эпоху); 2) сталинский догматизм (резкое сокращение количества работ на данную тему, сокраще-

¹Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.
E-mail: v.f.gigin@gmail.com

ние научного аппарата, слабая научная аргументация, прямолинейность трактовок; канон описания революции – «Краткий курс истории ВКП(б)»; 3) советский научный академизм (стремление ученых к объективному взгляду на проблему при сохранении партийных установок и марксистско-ленинской методологии, абсолютно научная аргументация, резкое увеличение количества научных работ, посвященных теме революции, открытая научная дискуссия). Одновременно с этим на Западе возникают два направления научных взглядов на события 1917 г. Первый – эмигрантский: его представители эволюционировали от монархистского и социал-демократического неприятия большевистской революции и критики победившей партии к творческому переосмыслению революционных событий, анализу дальнейшего развития России. Второй – собственно западная историография. Сначала в ней появляются работы относительно невысокого аналитического и научного уровня, сродни публицистике. После Второй мировой войны предпринимаются попытки серьезного осмысления – работы Дж. Боффа, Н. Верта, М. Ферро и др. Вместе с ними появляются так называемые ревизионисты, которые рассматривают революцию и советскую власть не как нечто демоническое, отрицательное, а как объективный феномен, который имел как плюсы, так и минусы (А. Рабинович, Л. Шапиро и др.). Ну и, конечно, классикой стали работы известного американского советолога Р. Пайпса. Он рассматривал историю революции как органичную часть всей истории России.

И вот спустя 100 лет мы стараемся прийти к какому-то общему дискурсу.

А. В. Рубанов¹. Теория революции, которую П. Сорокин создавал в пражской библиотеке, была действительно первой. Сегодня же можно констатировать четыре поколения теорий революции. Эти поколения, или группы, формировались в основном американской профессурой, включая П. Сорокина. Первое направление, поведенческое, созданное П. Сорокиным, непосредственной предпосылкой любой революции называет резкое увеличение числа подавленных базовых инстинктов населения. К этим инстинктам он относит голод, импульс собственности, инстинкт самосохранения, половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных

способностей и др. Другая предпосылка революции, по П. Сорокину, – кризис верхов, т. е. слабое сопротивление проявлениям широкого недовольства со стороны властей. Второе направление, психологическое (Дж. Дейвиса, Т. Гурра и др.), представленное теорией относительной депривации, причиной революции считает осознание массами несправедливости своего ущемленного положения по сравнению с положением господствующих классов. Третье, структурное (Т. Скопчол и др.), делает акцент на анализе классовых отношений, а также влиянии международного фактора. Четвертое, политическое (Ч. Тилли и др.), сосредоточивает внимание на механизмах мобилизации масс на протестные коллективные действия, которые направлены на свержение существующего социального строя.

Представители этих теорий обвиняют друг друга в односторонности. На этом фоне самое интересное – обратиться к работам классиков революционной теории, например трудам К. Маркса, у которого можно найти тезисы всех этих четырех групп теорий: абсолютное и относительное обнищание, противоречие структурных элементов (производительные силы и производственные отношения), борьба классов, мобилизация масс через организацию союзов и партий... Наиболее интересный и точный материал о причинах, характере и механизмах революции следует искать в текстах самих революционеров: К. Маркса, В. Ленина, Д. Троцкого, Че Гевары и др.

А. Б. Богданович². Вопрос этнической и национальной идентичности нередко приобретает особую актуальность в период революционных событий. Не стала исключением и наша страна. До настоящего времени проблема этнического измерения революционных событий на территории Беларуси вряд ли может считаться исследованной полностью. Среди причин подобного положения вещей – и некоторая периферийность этнического в структуре социальных процессов 1917 г., и особый статус подобной тематики в отечественной историографии.

Проблема этнического самосознания белорусов в период революции может быть рассмотрена с учетом трех факторов: наличия устойчивого эндоэтнонима, степени осознания общности (в исторической и пространственно-географиче-

¹Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

²Алексей Борисович Богданович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Университета гражданской защиты Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь.

Alexei B. Bohdanovich, PhD (history), docent; head of the department of humanitarian sciences, University of Civil Protection, Ministry for Emergency Situations of Belarus.

E-mail: stchtchur2017@inbox.ru

ской перспективе), характера социальной среды (полиэтничность, конкурентность, конфликтность и т. п.), способствующей активной самоидентификации либо ограничивающей ее.

Что касается первого фактора, то считается доказанным, что к моменту революционных событий эндотным «белорусы» получил достаточно широкое распространение во всех слоях этноса. Этому, безусловно, способствовали развитие национально-демократического движения и постепенное становление современных институтов государственного управления (либо как минимум формирование готовности наиболее активных слоев населения к их принятию).

Второй фактор, т. е. процесс осознания общности, во второй половине XIX в. приобрел особую интенсивность, выйдя за территориально-культурные, сословные и отчасти конфессиональные рамки. Согласно переписи 1897 г., 74 % населения Беларуси родным языком считало белорусский. Причем к белорусам по данному признаку относили себя как минимум 40 % чиновников, 10 % юристов, 60 % учителей, а среди доминирующего крестьянского сословия самоназвание «белорус» устойчиво вытесняло иные многочисленные формы самоименования («литвины», «чернорусы» и т. п.). Термин «Беларусь» закреплялся за всей этнической территорией белорусов. Впрочем, о полном завершении описанного процесса в рассматриваемый период говорить все же не приходится.

Что касается третьего фактора (характера социальной среды), то история первых полутора десятилетий XX в., «увенчавшихся» событиями 1917 г., не могла не выступить своеобразным спусковым крючком для интенсификации этнической консолидации, вышедшей в итоге на уровень проектов национального строительства.

Несмотря на трагичность предшествующих революции событий и крайнюю тяжесть последствий, для многих представителей активных слоев населения происходящее было шансом не просто для реализации своей гражданской позиции, но и государственного и культурного строительства Беларуси. Молодой поэт и писатель Змитрок Бядуля описывал это время в следующих эпитетах: «Беларускі адраджэнскі рух не здолеў зрабіць таго, што зрабіла імперыялістычная вайна ў працягу двух год. Найлепшым агітатарам у справе абуджэння ад сну беларускіх сялянскіх мас было само жыццё – ненармальнае, выбітае з векавечнай каляі...»

Таким образом, революционные события послужили своеобразным детонатором активизации наиболее пассионарной части белорусского обще-

ства – национально ориентированной интеллигенции, преимущественно людей молодого возраста. При этом их положение не только не улучшилось по сравнению с довоенным и дореволюционным периодом, но и ухудшилось в условиях гражданской войны, германской оккупации и миграций. Тем не менее если на личном, бытовом уровне восприятия все они отмечали тяжесть своего положения и неясность будущего, то в общественно-политической и культурно-просветительской сфере деятельности видели шанс для реализации программы национально-культурного развития и государственного строительства Беларуси.

А. А. Плащинский¹. В оценке Октябрьской революции я хотел бы постановочно обозначить несколько аспектов. Современный российский ученый В. Катасонов формирует схему осмысления человеческой истории через призму теологической, промыслительной схемы. Я имею в виду духовный аспект революции, который нельзя упускать наряду с политическим, экономическим и проч. В. Катасонов считает, что Октябрь – это трагедия, но эта трагедия промыслительно спасла Россию, поставила ее на другие рельсы. Второй аспект – провидческая записка П. Дурново, которая была обнаружена на столе Николая II. П. Дурново предупреждал государя об опасности вступления в войну в 1914 г., грядущей революции, Германии и трагедии царской семьи. Третий аспект – идея мировой революции как идея глобального управления (господства), которая проявляется в политическом поведении современных США. Именно доктрина мировой революции обусловила развязывание Первой мировой войны.

Первая мировая война и революция 1917 г. были нужны глобалистам для ликвидации монархий: Российской, Австро-Венгерской, Османской (революция 1789–1792 г. во Франции преследовала те же цели и закончилась казнью Людовика XVI – еще одна историческая параллель с революцией в России 1917 г.). После войны уцелела только Британская империя, что неудивительно. Для реализации плана нового мирового порядка в тот период глобалистам нужно было любыми способами втянуть Россию в войну. Вот почему ими были устранены все инакомыслящие и приближенные к государю люди, которые пытались упредить мировую войну: П. Столыпин, Г. Распутин...

Для войны был найден повод – убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, 28 июня 1914 г. Австро-Венгрия 28 июля объявила Сербии войну – это был четкий расчет на то, что Николай II не сможет остаться

¹Александр Алексеевич Плащинский – кандидат политических наук, доцент; первый проректор Международного университета «МИТСО».

Alexander A. Plashchinsky, PhD (political science), docent; deputy vice chancellor of the International University «MITSO».
E-mail: a.plashchinsky@mail.ru

в стороне и защитит Сербию. В Российской империи 31 июля объявлена всеобщая мобилизация в армию. И 1 августа Германия объявила войну России. Шахматная партия сыграна. Поджигателям войны удалось реализовать свои планы на пути к новому мировому порядку. Итог – мировая война.

Сегодня очевидны исторические параллели с ситуацией, произошедшей 100 лет назад. События 2014 и 2017 гг. в Украине завершают вековой исторический цикл, начало которому положено в 1914 г. (Первая мировая война) и, соответственно, в 1917 г. (революция в Российской империи).

Завершение эпохи знаменуется очередной точкой бифуркации: вновь проявляют себя две магистральные исторические тенденции, трансформирующие мир: евразийская интеграция, с одной стороны, и процесс установления нового мирового порядка, с другой стороны.

Подключение возможно только к одной из этих тенденций, так как каждая из них предполагает альтернативный сценарий будущего, два разнонаправленных пути развития. Следовательно, понять эти глобальные исторические тенденции и в буквальном смысле «оседлать» их в политическом поле означает творить будущее.

Сегодня маятник истории замер в ожидании нового импульса. На метафизическом уровне таким импульсом является национально-государственная идея. Единственная возможность сохранить мир – это реализация идеи «Великой Евразии» в формате евразийской конфедерации. В китайской специфике – идея «Большого единства» (под небесами).

А. Н. Данилов. История показывает, что люди не учатся на чужих ошибках. Только на собственных... Тем более что революции всегда случаются, когда их никто не ждет. Поэтому, пожалуй, самый важный урок событий столетней давности – не доводить дело до революции, а если революционная волна все же накрывает, не допустить кровопролития и гражданской войны... «Революция приходит не сверху и не снизу – она наступает, когда истончаются все истины», – очень точные слова вкладывает современный российский писатель З. Прилепин в уста главного героя своего известного романа «Санька». Жаль, конечно, что к концу XX в. истончились практически все истины, рожденные октябрём 1917 г., и в этом – огромная вина или больше беда власти, которая оказалась без воли и идеалов. К тому же без воли к власти и воли к борьбе за власть никакая объективная необходимость революции просто невозможна. Среди лидеров обязательно должны быть такие люди,

которые готовы умереть за свои взгляды и идеалы. В. И. Ленин называл их профессиональными революционерами и был прав. Нельзя давать Западу возможность сформировать пятую колонну из части «элиты». В начале XXI в. формы и методы внешнего влияния на революции стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженному экспорту революции и грубому давлению пришла «мягкая сила» – влияние через культуру, ценности, образ жизни... Появились социальные сети, разного рода общественные, просветительские и благотворительные фонды и объединения, живущие на иностранные гранты.

Человек, как правило, живет надеждой, и именно срыв надежд делает невыносимым неравенство... Современный тип человеческого сознания, осмысляющего и осваивающего мир посредством впечатлений, визуальных и музыкальных образов и символов, а не логики и нарративов, как нельзя лучше соответствует новому типу революций, мотором которых выступает утопия справедливости и национального освобождения как суть революционных идеологий. И, наконец, всегда надо помнить, что если революционный хворост высох, то искра может появиться откуда угодно и когда угодно. Среди причин революции надо тонко различать объективные и субъективные. Сегодня происходят странные вещи: по прошествии 100 лет нам не стало яснее то, что происходило век назад, а значит, революция продолжается, и она продолжится до тех пор, пока перед нами не будет идеальной картины происшедшего.

А. И. Ванькевич¹. Тема продолжения революции как продолжения открытой ею эпохи – важная и интересная. Эта эпоха идет дальше в силу объективных законов, которые можно обнаружить у К. Маркса (два закона собственности). Один из них, незаслуженно забытый и мало изученный, – закон единства труда и собственности. Через него можно прийти к причинам революции. К. Маркс писал в труде «Капитал»: «...непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства». Я полагаю, что при изучении истории становится ясно, что начи-

¹Александр Игнатьевич Ванькевич – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры инновационного менеджмента экономического факультета Белорусского государственного университета.

Aleksandr I. Van'kevich, PhD (economics), docent; associate professor at the department of innovation management, faculty of economics, Belarusian State University.

ная с рабовладельческого общества идет процесс отчуждения собственности от труда: рождаются человек труда и собственник. Их взаимодействие выразилось в появлении новой формы самодвижения – развитии средств производства и самой рабочей силы. Их противоречие ведет к смене характера и способа их соединения и, как следствие, к новым формациям. Поэтому, когда мы говорим о причинах революции, нельзя забывать о диалектике развития этих элементов. Революция – это начало перехода к новой ступени общества, а продолжение – это события, которые были заложены в основе.

Относительно роли России в пролетарской революции еще К. Маркс полагал, что центр революционных процессов перемещается именно в нее, так как западный революционный элемент сильно загрязнен оппортунизмом.

М. А. Можейко¹. Я хочу поставить вопрос об интерпретации. Со времен Гердера мы верим в наличие базовых исторических закономерностей, которые и позволяют понять конкретные события. Но после появления синергетики мы получили возможность рассматривать любое событие как результат случайных флуктуаций. Эти два направления (логики) всегда были перпендикулярны друг другу, но в начале XXI века, мне кажется, происходит их гармонизация: методологи согласны с тем, что цилиндр можно рассматривать в трех проекциях и получать разные перспективы – круг или прямоугольник. Это позволяет увидеть в революции как неслучайный момент истории, так и массу единичных флуктуаций, которые могут сплетаться, ускоряться и прот.

В. Ф. Гигин. А как Вам видится перспектива применения синергетического метода в гуманитарных науках, в истории?

М. А. Можейко. Его можно и нужно применять. Сегодня мы имеем огромное число работ, которые применяют его прямо и непосредственно в отношении абсолютно разнородных и разноуровневых феноменов. Мне же кажется, что такая легкомысленная аппликация синергетики на гуманитарную область чревата. Нужна серьезная работа по адаптации метода.

Д. К. Безнюк². Позволю заметить, что сами синергетики (И. Пригожин и др.) предостерега-

ли гуманитариев от прямого использования синергетической логики в отношении социальных, антропомерных систем. Хотя результаты такого применения могут быть интересными и заставляют задуматься. Примером может послужить книга М. де Будьона «Битва за хаос», неоднозначная, но иллюстрирующая синергетический анализ истории и общества.

Сегодня в рамках социологии революции мы можем констатировать целый ряд проблемных полей, которые отражают спектр интересов и исследовательских возможностей современной социальной теории в области изучения революции. К таковым следует отнести:

- *дефинитарные* проблемы, которые напрямую связаны с *субстанциональными*;
- проблемы *классификации* революций;
- *каузальные* проблемы, тесно связанные с проблемой общей *методологии* анализа феномена революции;
- проблемы выявления *последствий* революций и ее общей *оценки*.

Причины революции – особая сфера анализа и оценки. Ф. Бэкон и Т. Гоббс, которые впервые активно стали употреблять термин «революция» для описания исторических и политических сюжетов, не дали четкого ответа на вопрос о причинах революции, хотя интенции были ясны – недовольство народа. Основоположник социологии революции П. Сорокин при ответе на вопрос о причинах революций тяготел к социально-психологической логике: непосредственной предпосылкой любой революции он полагал увеличение степени подавления «базовых инстинктов» большинства населения, невозможность даже минимального их удовлетворения и бессилие групп порядка в адекватном описании ситуации.

В целом же, все попытки выявления причин революций плотно связаны с методологией исследования революции, логикой авторского видения, теоретико-методологическими форматами исследовательского подхода к революции. Для представления спектра этих подходов к выявлению причин революций можно обратиться к исследованию российского историка и социолога Б. Н. Миронова, который на примере русской революции 1917 г. «обкатал» имеющиеся в арсенале аналитиков мето-

¹Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities, Belarusian State University of Culture and Arts.

E-mail: marina-mojeiko@yandex.by

²Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Dmitrii K. Bezniuk, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: mayo-r-r@mail.ru

дологические подходы – марксистский, мальтузианский, модернизационный, институциональный, психосоциальный, структурный, политический, экономический – с целью соотнести выявленные ими причины русской революции с историческими и статистическими реалиями. В результате получилась целая панорама причин, распределяемых по уровню правдивости и эмпирической верифицированности.

В. С. Михайловский¹. Что касается причин революции, К. Маннгейм в работе «Идеология и утопия» описывает четыре типа мышления, четыре типа взглядов на будущее: анархистский, консервативный, либеральный и коммунистический. Я убежден, что все наши ошибки в понимании марксизма и коммунизма рождаются тогда, когда мы пытаемся понять марксистские категории либеральными мозгами. Относительно революции предлагаю такой срез: было ли там больше коммунистического по логике либо там больше либерального. Ведь коммунистическая логика – диалектическая, направленная на настоящее: есть настоящее, есть условия настоящего и есть противоречия в этом настоящем, которые и являются источником изменения нашей жизни. У либерала же есть, как пишет К. Маннгейм, звезда, внешняя по отношению к нему идея, она ему светит, он за ней идет, часто как бульдозер. В связи с этим интересно поразмышлять: по своему мышлению В. И. Ленин был коммунистом или либералом? Что для него революция – работа с настоящим или идея фикс?

Д. К. Безнюк. После выхода работы С. Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип» это вопрос правомерный.

В. Ф. Гигин. Вопрос парадоксальный и интересный. Но замечу, что современный западный либерализм отчасти лишен взгляда в будущее как в экономической плоскости, так и в исторической. Вспомним хотя бы знаменитую работу Ф. Фукуямы «Конец истории». У В. И. Ленина же абсолютный взгляд в будущее, анализ прошлого и в каком-то смысле игнорирование настоящего, что привело его к некоторому интеллектуальному кризису в 1922–1924 гг.

В. С. Михайловский. С моей точки зрения, у современных либералов нет мысли о будущем, так как они полагают, что будущее уже реализовано, уже наступило, надо только воспроизводить наступившую либеральную демократию. У коммунистов

же, К. Маркса, В. И. Ленина, не так много размышлений о второй стадии, собственно коммунизме.

А. Н. Данилов. Всякие аналогии или сравнения в истории только политизируют выводы и являются достаточно условными. Поэтому, как мне представляется, так же сложно сравнивать события, которые происходили в разных эпохах и условиях и были вызваны разными обстоятельствами. Я лично придерживаюсь мнения о том, что в октябре 1917 г. произошла самая настоящая революция. Это событие определило всю историю XX в., позволило нам совершить рывок в развитии и выстоять в беспрецедентном нашествии – Великой Отечественной войне. А вот в 1991 г. произошла контрреволюция, когда жаждущая безраздельного господства и личного обогащения ельцинско-гайдаровско-чубайсовская тусовка на глазах всего мира разворовывала достижения своего же народа. В 1917 г. революционеры строили новый мир рабочих и крестьян, чтобы дать ему перспективу и светлое будущее. И во многом добились своего...

Конечно, народ невозможно долго обманывать радужными и заманчивыми лозунгами. Нужны дела, солидарность и сопричастность каждого. Только признав правоту народа, поддержав живущее в нем стремление к справедливости, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые шаги вперед.

В. Ф. Гигин. Здесь уместно вспомнить, что в отношении социальной политики советской власти и завоеваний социализма присутствует некоторая мифологизация: надо выделять два разных этапа этой политики – до и после начала 1960-х гг. До – никакой восходящей социальной политики не было, это была беспощадная эксплуатация трудовых ресурсов, отсутствие отпусков, пенсий и проч.

В. И. Толкачев². Вернусь к вопросу: был ли В. И. Ленин коммунистом? На все вещи надо смотреть в их развитии. В. И. Ленин на протяжении своей политической карьеры эволюционировал, до прихода к власти он один, после – другой.

Несколько кратких тезисов на тему революции и современности. Во-первых, событие надо рассматривать в разрезе его воздействия на различные политические, социальные и другие процессы. С этой позиции революция февраля – октября 1917 г. – действительно революция. Она повлияла на судьбу России, Европы и всего мира. Во-вторых, сегодня человеческая цивилизация вступает в но-

¹Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета.

Vadim S. Mikhailovski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: vadim2010minsk@mail.ru

²Валерий Иванович Толкачев – кандидат исторических наук; доцент кафедры социологии СМИ Института журналистики Белорусского государственного университета.

Valerii I. Tolkachev, PhD (history); associate professor at the department of sociology of journalistic, Institute of Journalism, Belarusian State University.

вый этап своего развития: мы наблюдаем конец постиндустриальной эпохи и переход к новой эпохе, на волне четвертой технологической революции мы вступаем в цифровую эпоху. Три явления определяют развитие всей цивилизации: 1) геополитика, имеющая новые проявления, противоречия и столкновения; 2) глобализация, которая проявляется в рамках выработки единых стратегических форм транснациональных корпораций, торговли и проч.; 3) информационное пространство, которое трансформируется в киберпространство. В сфере геополитики наиболее актуальным противоречием можно рассматривать противостояние США и России.

Рассматривая результаты революции 1917 г., необходимо обратить внимание на ее влияние на нашу территорию, так как революционные процессы, безусловно, помогли сформировать белорусское государство на советской основе. Это явление, государственность Беларуси, сначала ССРБ, потом БССР, помогло нашей территории занять важное место в геополитических процессах в рамках Советского Союза, а теперь в тех процессах, которые идут совместно с Российской Федерацией.

Я убежден, что революция 1917 г. – очень крупное геополитическое явление мирового значения.

Н. Л. Мысливец¹. Мы предприняли попытку выяснить, что знают современные студенты о событиях 100-летней давности и с чем у них ассоциируются Февральская и Октябрьская революции 1917 г. С этой целью был проведен опрос 100 студентов 2–4-х курсов нескольких специальностей (не исторических) Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

Ответы на вопросы: «Что Вы знаете о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.?», «Как они происходили и чем закончились?» позволили выявить следующие ассоциации:

– в отношении Февральской революции: *свержение монархического строя*², *свержение самодержавия, она была неуспешной*. Какие-либо более четкие представления о ее причинах, сущности, итогах отсутствуют.

– в отношении Октябрьской революции ассоциативный ряд оказался несколько более широким и включал такие понятия, как *Аврора, Временное правительство, Петроград, большевики, захват Зимнего дворца, Первая мировая война, «Капитал» К. Маркса, свержение самодержавия – установление советской власти...*

При ответе на вопрос: «Какие события происходили в 1917 г. в Беларуси, в Минске?» 50 % опро-

шенных ограничились общими фразами, проводя параллели с событиями в Петрограде, в России в целом; 17 % студентов вспомнили лишь отдельные факты, относящиеся к рассматриваемому вопросу; 33 % – затруднились с ответом. Таким образом, нам не удалось выявить у опрошенных какие-либо конкретные знания и представления относительно причин, сущности, масштабов и исторического значения Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Среди исторических личностей, деятельность которых была связана с событиями 1917 г. в России и Беларуси, студенты чаще всего упоминали В. И. Ленина (он был назван 56 раз), Л. Д. Троцкого (29 упоминаний), также прозвучало 29 ответов *ни кто*.

Л. Корнилова упомянули 14 участников опроса, И. В. Сталина – 12, Г. Мясникова и Я. Свердлова – по 11, Николая II – 10, К. Ландера – 9, А. Керенского – 6, А. Колчака – 5, Ф. Дзержинского – 4 респондента. Частота упоминаний остальных исторических персоналий – в пределах статистической погрешности.

Уходя из памяти, события прошлого продолжают оставаться частью истории, незнание которой, как всем нам хорошо известно, чревато. Поэтому не может не вызывать тревогу факт не только неглубоких знаний студентов в области истории революционного движения в России и Беларуси рассматриваемого периода, но и неспособность (нежелание?) анализировать исторические события, формулировать свою позицию по отношению к ним, делать выводы.

Отвечая на вопрос о том, какое влияние оказали революции 1917 г. на дальнейшее развитие нашей страны и всего мирового сообщества, каждый четвертый студент оставил его открытым. Все же остальные респонденты называли: *создание БССР, реформы, смена власти, установление социалистической власти, вхождение Беларуси в состав Советского Союза, репрессии против белорусской интеллигенции, построение социалистического общества*.

При оценке влияния событий 1917 г. на дальнейшее развитие всего мирового сообщества 78 % опрошенных подчеркнули безусловную значимость и масштабность произошедших революций как в плане идеологии, влияния на общественное сознание, так и в плане экономических, общественно-политических и социально-культурных преобразований. При этом практически все ответы были максимально лапидарны и не включали каких-либо более конкретных рассуждений в отношении заданных вопросов. Ни в одном социологическом

¹Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; заместитель декана факультета довузовской подготовки Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

Nikolai L. Myslivets, PhD (sociology), docent; deputy dean of the faculty of pre-university training, Yanka Kupala State University of Grodno.

E-mail: n.myslivets@gmail.com

²Здесь и далее ответы респондентов даны курсивом.

интервью не была представлена краеведческая составляющая.

Мнения опрошенных свидетельствуют о том, что доминирующими институтами в деле формирования исторической памяти у студенческой молодежи являются учреждения образования и интернет, а ключевой фигурой остается учитель в школе и преподаватель в учреждении высшего образования. Институтом-аутсайдером в этом ряду стала семья: лишь шесть человек из 100 склонны рассматривать ее как наиболее достоверный источник информации о прошлом.

Отношение к истории своей страны, знание и понимание прошлого выступают в качестве своеобразных маркеров, которые позволяют судить не только о глубине исторических знаний, в том числе относительно истории малой родины, но и о степени фундированности собственной гражданской позиции, сформированности патриотических установок личности.

Наличие у большинства студентов лишь фрагментарных знаний о таких знаковых событиях прошлого, как Февральская и Октябрьская революции 1917 г., объясняется не только фактом их ухода даже с периферии обыденного, повседневного интереса современной молодежи. Это является отражением снижения общественного интереса к данным событиям прошлого, показателем трансформации общественного сознания, что не может не влиять и на сознание молодежи.

В. Ф. Гигин. Эти данные хорошо показывают, как за одно поколение, за 25 лет, удалось полностью сместить исторические представления об Октябрьской революции из центра мироздания и всей истории на периферию. Это было результатом сознательного дискурса части интеллигенции, частично и школьных учителей, для которых какие-либо события из далекого прошлого более значимы, чем Октябрьская революция, без которой не было бы сегодняшней Беларуси.

Ж. М. Грищенко¹. Насколько сложившаяся на сегодня гомология пространственных структур, прежде всего поля политики, приближает нас к зоне риска и отвечает на вопрос: к чему мы ближе сегодня – к бунту, к революции, к эволюции? Еще года три назад мы утверждали, что находимся на стадии устойчивого, стабильного развития нашей структуры, которая отражает ценностные ориентации электората. Эта структура не так богата и плю-

ралистична: устойчивый электорат А. Г. Лукашенко – 42 %, поддерживающие на протяжении 20 лет оппозицию – 16 %, занимающие нейтральное положение к властной элите и к ее оппозиции – около 30 %. Сегодня же ситуация динамично меняется, стабильная ранее гомология политического поля размывается за счет упомянутых 30 %. Зона риска для нашей страны возрастает. Поэтому основная задача для нас сегодня – моделирование развития этой ситуации с попыткой ответить на вопрос о том, кому из наших лидеров удастся эту ситуацию откорректировать грамотно...

А. Н. Данилов. Вызовы и кризисные ситуации, о которых говорят коллеги и которые сегодня приводят к революциям, ставят вопрос о революции как о технологии, вопрос о технологичности революционной ситуации.

А. В. Посталовский². Говоря о революции как о технологии, хотелось бы обратиться к конкретным примерам реализации революционных сценариев на постсоветском пространстве, в частности к цветным революциям. Это революции нового типа, они заставляют по-новому взглянуть на логику и содержание всего революционного процесса. Собственно, что такое революция, какова ее структура и содержание? В структуре классической революции обязательно должны присутствовать три системообразующих элемента: источниковая база предполагаемой революции (революционная ситуация), переход (отказ от существовавшей модели общественного развития) и результат (смена общественно-экономической формации, установление принципиально нового социально-политического строя и экономического уклада и т. д.). В указанных контекстах хотелось бы ответить на следующий вопрос: а применима ли данная схема к анализу сценария и результатов цветных революций и, собственно, являются ли цветные революции революциями в полной мере? Например, Украина. Она интересна целой серией политических событий: «Революция на граните» (1990), акция «Украина без Кучмы» (2001), «оранжевая революция» (2004), революция «гидности» («Евромайдан») (2013–2014). Ответ на вопрос о наличии революционной ситуации во всех этих случаях очевиден: ее нет, особенно в 2004 и 2013 гг. Статистика фиксирует экономический рост, коллеги-социологи констатируют малый протестный потенциал, объективные внешние предпосылки революции отсутствуют. Однако

¹Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: zhanna0607@mail.ru

²Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); researcher at the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University.

E-mail: postalnio@tut.by

проходит несколько месяцев, и правящий режим рушится. Почему? Работа технологий: практическая реализация методов ненасильственной борьбы Дж. Шарпа (в Грузии в 2003 г., в Киргизии в 2005 г.), теория «сакральной жертвы» (в Тунисе в 2010 г., в Египте в 2011 г.), провоцирование властей на насилие, вмешательство иностранных государств и международных организаций во внутренние дела привели к тому, что сегодня наблюдаем в Украине. Формально вторая стадия классического революционного сценария (переход) присутствует, однако результат (третья стадия), а именно смена общественно-экономической формации отсутствует. Результаты этих «революций» также не позволяют признать их таковыми: нет не только смены формаций, но и сами участники не меняются. Тот же П. А. Порошенко был секретарем Совета Безопасности в период президентства В. А. Ющенко и министром экономического развития и торговли при В. А. Януковиче, А. П. Яценюк возглавлял Верховную Раду при том же В. А. Ющенко и возглавил правительство уже при П. А. Порошенко. А. В. Турчинов руководил Советом Безопасности Украины после «оранжевой революции», теперь возглавляет Совет Безопасности. Революции вроде бы происходят, а революционерами де-факто остаются те же люди. По сути, в данном случае речь идет не о революциях, а о конкретных технологиях дестабилизации и радикальной трансформации правящей политической элиты, при этом никакого качественного перехода к новой модели общественных и социально-экономических отношений не происходит. Да и сама революционная ситуация в ряде случаев отсутствует, речь идет скорее об искусственном нагнетании и поддержке радикального дестабилизирующего развития революционного сценария. Октябрьская же революция в этом плане в полной мере соответствует всем классическим канонам феномена революции, поскольку в пол-

ной мере присутствует стадийность революционного процесса, результатом которого выступила попытка построения коммунистического государства – принципиально новой фазы общественно-экономического развития. Можно по-разному относиться к ее результатам и последствиям, однако не подвергается сомнению тот факт, что это крупнейшее массово-политическое событие мирового масштаба, оказавшее значительное влияние на развитие множества стран мира.

А. Н. Данилов. Сегодня исследование конфликтов, кризисов, революций, которые приобретают статус глобальных, – передний край общественных наук. Революции рассматриваются чаще всего как технологии, и избирательная кампания в любой стране мира потенциально может превратиться в очередную жертву революции. Заметную роль в этой трансформации стали играть всевозможные манипуляции человеком, различными социальными группами, населением суверенной страны в целом. Для этого уже отработаны и проверены на практике PR-технологии, где, как правило, не гнушаются использовать прямые фальсификации, провокации и просто обман. Здесь очень важно, помимо разоблачения фальсификаций, ведущих к разжиганию национальной и иной розни, изучать и вскрывать систему расчеловечивания человека, превращения его в некоего «постчеловека», жалкое подобие человека.

В современных условиях существенно возрастает роль изучения гуманитарных наук, культуры, философии, искусства, литературы: через смыслы, заложенные в них, происходит развитие, утверждение новых ценностных представлений, создается новый мир человека. Социология, философия, все гуманитарные науки – это не нечто отжившее, не нечто такое, что должно уйти в небытие, уступив место современным технократам, а как раз, наоборот, необходимое условие сохранения человека.